

АНАТОЛИЙ ГУСЕВ

ОДИН ДЕНЬ ЖИЗНИ

Анатолий Алексеевич Гусев

Один день жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28955558

SelfPub; 2018

Аннотация

Один день изменяет всю жизнь. Это очень короткий рассказ. Один день жизни и шестнадцатилетний мальчишка оказывается на фронте. В восемнадцать лет погибает, не совершив ничего героического. В его жизни ничего не было, кроме войны. Но если бы миллионы таких мальчишек не погибли в той войне – мы бы сейчас жили?

Один день жизни.

В тридцати пяти километрах к югу-западу от Можайска в Уваровском районе, расположено село Ивакино. На окраине в лесу стоит церковь Дмитрия Солунского и восьмого ноября расходится переливами гармошки, плясками и свистом по окрестностям престольный праздник, праздник в память святого, во имя которого освящен храм. И вот мимо этой церкви, разрушенной при Советской власти, идёт дорога на деревню Павловка.

Павловка, была в пяти километрах от Ивакина, и разделена на две части оврагом с маленькой, протекающей там, речушкой, почти ручьём. В меньшей части деревни стоят три избы. Самую крайнюю, у леса построил ещё до Первой Мировой войны или Империалистической, как её тогда называли, Андрей Николаевич Гусев. Откуда он появился – никто не знал. Времена были тёмные, смутные. Он о себе не распространялся, а его и не спрашивал. Влюбился он в местную девушку, и она ответила взаимностью. Но родители обоих влюбленных были против их брака. Но любовь пересилила: решили Андрей и Катя жить вместе без родительского благословения.

Андрей срубил избу-пятистенку и привёл туда свою Катю. Что такое пятистенная изба. Это бревенчатый сруб, разделённый на две не равные половины. К нему сбоку приде-

ланы сени, где хранился разный хозяйственный инвентарь: тазы, вёдра, грабли и прочее. Начинались сени с крылечка у чела дома, заканчивались входом на скотный двор, где стояла корова, толпились овцы в загоне, хрюкала свинья, были насесты для кур. Подальше от крыльца, слева, лесенка в две ступеньки и вход в избу. Справа – печь, слева впереди красный угол с иконами, под ними стол, лавки (широкие доски, вделанные в стену), напротив печи, слева дверь в другую половину избы.

Жили Андрей и Катя середняками – большого достатка не было, но и не бедствовали. Войны – Первая Мировая и Гражданская – их не сильно задели. Родились дети: Варвара, Вера, Евдокия, Михаил и Алексей.

Старший из мальчишек, шестнадцатилетний Михаил сидел на лавке у замёршего окна. Он дышал на него, тёр пальцами, что бы стекло оттаяло и было видно, что творится на улице.

Шёл январь 1942 года, стояли крещенские морозы.

Зима пришла рано, снег выпал 30 октября, на день рождения младшего брата Алексея. Ему как раз одиннадцать лет исполнилось.

Вообще-то мальчика должны были назвать Дмитрием, по крайней мере, с таким наказом мать посылала свою дочь Веру в Ивакино, в сельсовет, зарегистрировать новорождённого. Вера, ей тогда было двенадцать лет, шла и всю дорогу ду-

мала: «Что за имя, Дмитрий? Как его маленьким-то звать?» Так ничего и не придумав, она решила: пусть будет Алёшенька, так и сказала в сельсовете. И мальчика зарегистрировали под именем Алексей. Вон он теперь бегают с ребятами, в овраге на санках катается. Как будто войны нет. А война пришла к ним на следующий день после прихода снега и мороза.

Немцы шли по улице деревни в серых шинелях с винтовками на плечах, усталые, замёршие.

На окраине Ивакино несколько дней шли бои. Потом всё стихло: Красная Армия откатилась ещё дальше на восток, и остановились по слухам где-то у Вереи.

В избе никого не было, кроме матери. Старшие сёстры – Варвара и Вера работали на текстильной фабрике в Одицово, третья сестра, Евдокия, с осени училась в Москве на медсестру.

Отец исчез где-то через неделю, после прихода немцев. Появился только к концу декабря. Принёс продукты: консервы, муку, три буханки чёрного хлеба. Принёс и кое-что поинтересней для ребят: противопехотные мины, как наши, так и немецкие и ещё гранаты. Показал мальчикам, где их спрятал и как ими пользоваться.

– И матку накормите и сами наедитесь – сказал он сыновьям.

– Ты в партизанах? – спросил Михаил.

– Что ты, Миша. В каких партизанах? Мне уже пятьде-

сят два года. Стар я по лесам бродить. И без меня с немцем справятся.

– А справятся?

– Справятся, Миша, справятся. Посмотри, какой немец скучный пошёл. Вишь, климат для него не подходящий. Знамо дело – не Париж.

На следующий день отец опять исчез.

А Мише сейчас у окна вспоминались золотые косы одноклассницы Галки Дроздовой и как они целовались в августе на току, среди зерна. Как она там сейчас в Ивакино? Или успела уйти до прихода немцев. С осени он там не был. Немцы перемещения от села к селу как-то не поощряли, да и не зачем было идти.

От мыслей его отвлекла мать:

– Мишенька, ты ходил, рыбки что ль принёс.

Немцы за три месяца оккупации подчистили почти всё, что могло быть съедено. Живность была уничтожена полностью. Скотину спрятать трудно, и то, что не было прятано, забрали немцы. Осталась картошка, кое-какое зерно, капуста, морковка и прочее с огорода. Но на этом жить было трудно. Организм требовал мясо. Мясо заменяли рыбой.

Миша кивнул головой, соглашаясь с матерью, и стал одеваться, взял сачок, сделанный из проволоки и из старой рыболовной сети, вещмешок. На крыльцо вышел с лыжами.

По дороге, за оврагом ехали одинокая нагруженная телега. Немец сидел на ней весь скрюченный от холода.

Телега на дороге зимой вещь сама по себе удивительная и не привычная для русского взора!

Деревенские мальчишки прекратили играть и с интересом смотрели на телегу с немцем. Хотя ничего интересного не было: немцы свозили на поле перед Павловкой своих убитых, намереваясь похоронить их весной, когда земля оттаёт. Сейчас-то земля как камень. И этот немец вёз своих мертвецов на место их будущего захоронения.

Телега наехала колесом на какую-то кочку, вздрогнула, подпрыгнула, и возница вылетел головой в сугроб, да так там и остался. Замёрз бедняга, пока ехал.

Ребятишки с опаской обступили телегу. Погладили по морде лошадь. Немец как воткнулся головой в сугроб, так там и остался. Кто-то предложил разгрузить телегу и отправить лошадь назад. Что ж она так и будет здесь стоять? Замёрзнет ведь! Скотину было жалко. Телегу стали освобождать от её страшного груза. Но что их просто так разгружать? Так не интересно. Мертвецов втыкали вертикально в снег: кого ногами вниз, а кого и головой.

Телегу разгрузили, а лошадь развернули. Сначала ей дали клоч сена, затем вожжами по тощему крупу и отправили назад по дороге.

Потом решили сыграть в солдатики, где вместо оловянных солдатиков стали использовать трупы солдат вермахта. Вскоре в поле выстроились две колонны мёртвых немцев. Одна колонна, поставленная ногами вниз, играла роль

наших, а другая, поставленная головами вниз, естественно, немцев. Мальчишки стали бегать между ними, изображая бой.

Миша довольно долго с крыльца наблюдал за действиями ребятишек, потом вздохнул, подумал: «Ерундой занимают-ся», встал на лыжи и направился к реке.

По дороге, в отцовом тайнике взял две противопехотные мины, взрыватели к ним и бросил всё это в вещмешок.

Через лес Миша вышел к реке, к омуту, снял со спины вещмешок и достал оттуда одну мину и взрыватель. Деловито-спокойно зарядил мину, как учил отец. Он это делал уже не один раз. Двумя руками Миша размахнулся и кинул мину на лёд с таким расчётом, что бы она упала взрывателем вниз, а сам прыгнул на землю в снег за корягу, прикрыв голову руками.

Раздался взрыв.

Миша встал, отряхнул снег, подошёл к образовавшейся полынье и стал сачком вылавливать всплывшую кверху брюхом рыбу. Попадались всё больше мелочь: пескари, ерши, окуньки и один голавль. Голавли обычно ходят стаями. Миша с надеждой осмотрел полынью. Не, только один. Жалко.

Рыбу он положил в мешок, вместе с оставшейся миной и взрывателем.

На следующем омуте, проделав то же самое, он, кроме мелочи, вытащил большую, больше метра, щуку. Радости не было предела. Миша представил, как матка пожарит её в пе-

чи, как они с Лёшей будут есть. У него даже слюнки потекли.

Собрав рыбу в вещмешок, Миша побежал домой. Вдали над лесом в сторону деревни кружился самолёт, слышались отдалённые взрывы. «Что там происходит?» – с тревогой подумал Миша и ускорил свой бег.

Одинокий немецкий штурмовик, пролетая над деревней Павловка, заметил группу людей в поле, явнодвигающихся к лесу. Немецких частей здесь быть не должно. «Значит это партизаны» – решил лётчик. Он развернулся и дал очередь из пулемёта по колонне, сбросил две бомбы, развернулся и ещё дал очередь.

Испуганные мальчишки бросились врассыпную по домам.

Лёша влетел в избу вместе с клубами пара.

– Что вы там натворили, Ироды? – заругалась мать.

Лёша ей не ответил, скинул шапку, пальтишко, валенки, залез на печку и спрятался там за занавеской рядом с котом Барсиком.

Лётчик, судя по всему, сообщил об увиденном. Немцы в деревне появились довольно быстро. Они с удивлением осматривали поле с воткнутыми в снег мертвецами, вспаханное двумя бомбами и прошито пулемётными очередями. Логичное объяснение они этому найти не могли. Но начальство сказала: «Партизаны». Значит – партизаны. Надо было произвести какие-то действия. В лес они войти не рискнули. Да и мало их было. Пошли по домам выявлять партизан. Хотя чего они там могли выявить? Военнообязанных мужчин

в деревне не было, если не считать Кольки Хромого. Он в молодости упал с крыши, сломал правую ногу, она не правильно срослась и, естественно, ни в армии, ни в партизанах он быть не мог.

Открылась входная дверь, послышались тяжёлые шаги в сенях. Открылась со скрипом дверь в избу, и вошли два немца. Мать сидела на лавке у окна, ждала сына. Увидев немцев, она встала, спрятав натруженные руки под передником.

Немцы хозяевами ходили по избе, заглянули в другую половину избы, точно зная, что там никаких партизан нет.

– Partisanen? – спросил один из них.

– Господи, да какие партизаны? – ответила мать.

– Partisanen? – не понял ответ немец.

– Нет партизан, милый. Нет.

– Nein?

– Нет, нет.

Немец откинул занавеску на печи и увидел Алёшу и большого белого кота с серыми пятнами.

– Partisanen?

Алёша показал пальцем на кота:

– Вот партизан.

Кот равнодушно смотрел на чужака взглядом убийцы.

Немец улыбнулся:

– Gut, junge, gut.

Скрипнула входная дверь, у матери сжалось сердце от плохого предчувствия.

Миша кинул в угол вещмешок с замороженной рыбой, и на крыльце смахивал веником снег с валенок. Он оглянулся на звук открываемой двери и увидел выходящего оттуда немца.

Немец приближался:

– Partisanen? – ткнул пальцем левой руки в плечо Миши, а правой сдёргивал винтовку.

Парень ответил ударом в челюсть снизу вверх, встал на лыжи и помчался в лес.

Удар опрокинул немца на спину, он пролетел пару метров, сшибая тазы и прочую хозяйственную мелочь, висевшую на стене сеней. Солдат встал, потрогал челюсть:

– Sehr gut – сказал, сдёргивая винтовку с плеча, направляясь к выходу

На шум выскочила мать и второй немец.

– Нет! Нет! Это сын мой! Сын.

– Der Sohn? – понял немец.

– Да, да, сын! За рыбой ходил – она кинулась к вещмешку и вытащила оттуда щуку и дала её в руки немцу.

– Oh, der Fisch!

– Да, да, бери!

– Gut, matka, gut – сказал немец, взял подмышку щуку и вышел из избы.

Миша уже был далеко, возле леса.

Мать вошла в избу, села на лавку и горько заплакала, вытирая слёзы концом передника.

– Мам, ты что? – попытался успокоить мать Алёша, – Покружится Мишка по лесу и вернётся.

– Нет, сыночка, не вернётся он больше...

Немцы, меж тем, на другом, большем конце деревни, выгоняли жителей из домов.

Двое немцев с огнёмётами деловито ходили и поджигали избы. Убедившись, что все дома пылают, немцы уехали в сторону Ивакино. Три дома на другой стороне оврага почему-то трогать не стали.

Деревенские смотрели, как из их пылающих домов выпрыгивали обезумевшие кошки.

– Не надеются здесь остаться – зло усмехнулся Колька Хромой. – Всё жгут.

– Слышал чего, Коля? – спросили его.

– А вы, дурёхи, канонаду не слышите? Вчера наши Можайск взяли!

– Да ты что!

– Да. Завтра послезавтра и нас освободят.

До сумерек Миша бродил по заснеженному лесу, думая к ночи вернуться домой, как вдруг раздалось грозное:

– Стой!

Миша пошёл помедленнее, вертя головой, ища источник звука.

– Стой, тебе говорят!

Миша остановился. Из-за кустов вышел мужчина в белом маскхалате.

– Кто такой?

– Миша.

– Вижу, что не Маша – усмехнулся мужчина. – Откуда такой взялся?

– Из Павловки.

– И что там?

– Немцы – ответил Миша.

Подошли ещё пятеро в маскхалатах и на лыжах.

– Что тут, Ничипоренко? – спросил один из них строгим командным голосом.

– Да вот хлопец из Павловки.

– И как там?

– Немцы – повторил Миша и коротко рассказал, что с ним произошло.

– Да, попал ты парень, но молодец. Молодец!

– А вы кто, дяденьки?

– А мы, племянничек, разведчики.

– Наши?

– А то чьи?

Разведчики заулыбались наивному вопросу.

– Можно мне с вами?

– Тебе сколько лет, парень?

– Семнадцать – соврал Миша, – скоро будет восемнадцать.

– Да ты большой парень – улыбнулся командир

– Командир, а мабуть возьмём этого геройского хлопца?

До хаты-то ему опасно.

– Взять-то можно. Но тебя, Миша, куда военкомат направит, там и служить будешь.

– Всё равно. Хочу бить их, гадов.

– Ну, тогда пошли. До Тропарёва дорогу знаешь? Бежать-то далеко. Выдержишь?

– Выдержу.

И они направились вглубь леса, на восток, к гулу орудий.

Красноармеец Гусев Михаил Андреевич, 1925 года рождения, артиллерист, подносчик снарядов, погиб, освобождая Белоруссию, в Полесской области, в Хойникском районе, в селе Туневицина 28 ноября 1943 года.

Вот и всё.

20.04.2017г.